ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ПОЛТАВА

В воскресенье, 27 июня, после вечерней молитвы Карл собрал у своей постели генералов и командиров полков и объявил, что на следующий день он наметил дать сражение. Безусловно, войск у Петра больше, но, заверял король, стремительность и напор могут свести на нет это преимущество. Кроме того, расположение русских войск казалось весьма благоприятным для наступления шведов. Армия Петра сама лишила себя свободы маневра: с тыла у нее был обрывистый берег реки, и единственным путем к отступлению оставался брод у Петровки. Стоит шведам перерезать к нему дорогу, и русская армия окажется в западне. Победа, к которой так долго стремился Карл, представлялась вполне возможной. Русскую армию возглавил сам царь, и шведы могли заполучить, если повезет, бесценную добычу.

Шведская армия, которая сейчас готовилась к выступлению, составляла по численности чуть больше половины тех сил, что вышли из Саксонии два года назад. Ныне в ней насчитывалось двадцать четыре пехотных батальона и семнадцать кавалерийских полков — в общей сложности 25000 человек, причем многие из них так и не оправились от ран и обморожений, полученных минувшей зимой. Левенгаупт, на которого воз-

ложили командование пехотой, предлагал бросить в бой всех способных держать оружие. Но Карл решил иначе. 2000 пехотинцев было оставлено в траншеях у стен Полтавы на случай вылазки гарнизона, а 2500 конницы выделено для охраны обоза. Еще 1500 человек — кавалеристы и пехотинцы — рассредоточились вдоль Ворсклы: они должны были поддерживать казаков Мазепы, которые патрулировали вдоль берега, чтобы не дать русским переправиться южнее Полтавы. 6000 казаков Мазепы и Гордиенко вообще не были учтены в диспозиции Карла. Во время битвы им было велено держаться в стороне от основных шведских сил. Король полагал, что эти недисциплинированные вояки способны лишь внести сумятицу в тщательно отработанные действия его испытанных солдат. Всего со шведской стороны участвовать в битве должно было 19000 против 42 000 русских.

Сам Карл намеревался быть в бою с армией, правда, скорее в качестве символа и вдохновителя. Король решил остаться при пехоте на своих подвешенных между конями носилках. На случаи если кони вдруг испугаются и понесут или одного из них подстрелят, короля сопровождал взвод из двадцати четырех гвардейцев, которые, если потребуется, могли бы нести носилки на плечах. Присутствие Карла на поле боя имело немаловажное значение: солдаты, которым предстояло идти в атаку ча превосходящие силы противника, должны были знать, что король с ними. Но фактически Карл не мог управлять движением войск на поле великой битвы -* он лежал на спине и видел лишь небо да верхушки ближайших деревьев.

Коль скоро король был неспособен сидеть в седле, верховное командование надлежало передать кому-то другому. Его принял Реншильд, первый по старшинству среди шведских генералов. По сути он был наставником Карла в военном деле и, несомненно, самым опытным и авторитетным из его полководцев. Рен-

шильд и впрямь был превосходным командиром: ему принадлежала честь победы под

Фрауштадтом, он блестяще командовал конницей под Клишовом и Головчи-ным. Но теперь ему предстояло возглавить армию короля в присутствии самого короля. Это была нелегкая задача, и ее еще более осложняло то, что в ближайшем окружении Карла подобрались люди с непростыми характерами.

Прежде всего это относилось к самому Реншильду. В ту пору ему было пятьдесят восемь лет (на тридцать лет больше, чем Карлу), но он по-прежнему оставался человеком сильным, темпераментным и внешне импозантным. Его отличали огромная трудоспособность и безграничная преданность и любовь к Карлу. Подчиненные жаловались, что фельдмаршал высокомерен и груб. Он и правда не стеснялся в выражениях, и это можно было понять. В том возрасте, когда большинство генералов уже выходит в отставку, Реншильд вел походную жизнь без отдыха на протяжении девяти лет. Как и сам король, он проводил в кампаниях каждую весну, лето и осень, а на зиму оставался с войсками в лагерях, даже не помышляя об отпуске. Он плохо питался, не досыпал, пребывал в бесконечном напряжении и потому был издерган и раздражителен. И у него, в отличие от Карла, никогда не находилось улыбки или двух-трех ободряющих слов, какими король обычно сопровождал даже заслуженные упреки, так что провинившийся был после этого готов броситься в огонь и в воду, лишь бы искупить вину и заслужить благосклонность короля.

Более всего Реншильда раздражали два самых близких к нему по положению человека. Во-первых, он терпеть не мог Пипера -^ министра, отвечавшего за полевую канцелярию. Реншильда прямо-таки бесило, что этот штатский присутствует на всех военных советах и повсюду встревает с предложениями дипломатического и тому подобного, вовсе не военного, свойства. К тому же Реншильд знал: случись что с королем, во главе

316

правительства окажется Пипер, и тогда фельдмаршал попадет К нему в подчинение.

Но особую, ни с чем не сравнимую неприязнь Реншильд испытывал кЛевенгаупту. Командир злополучного обоза был несговорчив и мнителен, и несдержанность Реншильда, который сплошь и рядом повышал на него голос, доводила его до исступления. Левенгаупт славился стойкостью на поле боя — мужество никогда не изменяло ему; и он заслуженно считался лучшим после самого короля пехотным генералом шведской армии, подобно тому, как Реншильд слыл лучшим командиром кавалерии. То, что им обоим Карл доверил командовать под Полтавой, было в общем естественно. Просчет состоял в другом - Карл совершенно не принял во внимание их личную неприязнь. Когда король обсуждал с Реншильдом план баталии, он считал само собой разумеющимся, что фельдмаршал ознакомит с ним Левенгаупта — командира пехоты и заместителя главнокомандующего, — которому просто необходимо было знать общий замысел боя, чтобы точно следовать ему и правильно реагировать в случае изменения боевой обстановки. Но Реншильд решил ничего не говорить Левенгаупту — не любил он с ним разговаривать. Да оно и понятно: Левенгаупт имел обыкновение выслушивать приказы Реншильда с таким высокомерным и презрительным видом, будто давал понять, что только верность его величеству заставляет его терпеть этого болвана. Реншильда это всякий раз приводило в ярость. В результате, накануне Полтавской баталии он предпочел не посвящать Левенгаупта в план действий.

Возникшая из-за этого неразбериха на поле боя оказалась фатальной. Беда шведов заключалась в том, что на этот раз у них не было командира, который стоял бы выше зависти и раздоров, командира, которому бы все беспрекословно повиновались. Сам Левенгаупт признавал после битвы: «Когда бы Господь даровал нам свою

317

милость, и король не был бы ранен, никогда бы не
случилось того, что случилось» .

Суть выработанного Карлом и Реншильдом плана заключалась в том, чтобы перед самым рассветом стремительно атаковать русских, постараться застать их врасплох и быстро миновать линию редутов, даже если защитники успеют открыть огонь. Прорвавшись за редуты, шведские колонны сместятся влево и выйдут на широкую равнину перед лагерем Петра. Тогда шведская пехота двинется к западной оконечности равнины и сосредоточится к северо-востоку от укрепленных позиций русских войск. Тем временем кавалерия выметет с равнины царскую конницу. Пехота, оказавшись между русским лагерем и бродом в Петровке,

развернется вправо и построится в боевые порядки. Если этот маневр удастся, русские будут загнаны в угол. Позади у них будет крутой обрыв, а впереди, преграждая путь к переправе возле Петровки, готовые к бою шведы. И если царские войска захотят уклониться от боя, пусть остаются за своими валами, пока их не добьет голод.

Пехота Левенгаупта численностью всего 7000 человек, была построена в четыре колонны — две левых из десяти батальонов и две правых из восьми. Король на носилках находился при первой колонне левого крыла, которая была сформирована из одних гвардейцев. Вторую колонну левого крыла поручено было вести генерал-майору Карлу Густаву Россу, а две правые колонны

— генералам Бернду Штакельбергу и Акселю Спарре. Кавалерийские эскадроны под командованием Крейца выстроились шестью колоннами. Из тридцати еще пригодных к бою орудий большая часть была оставлена на осадных позициях и в обозе. Тут не обошлось без Реншильда. Как и все кавалеристы, он не жаловал артиллерию и считал, что тащить пушки мимо редутов

— значит только замедлить движение армии. Да и вооб-

318

те не будет времени выкатывать орудия на позиции для обстрела, не говоря уже о том, что отсыревший за зиму порох по большей части подпорчен. Поэтому шведы взяли с собой всего четыре пушки. Реншильд рассчитывал, что судьбу сражения решит сталь клинков и багинетов.

Наступала короткая летняя ночь. В 11 часов окончательно стемнело и шведская пехота спешно выступила из лагеря, направляясь к намеченным сборным пунктам. Карлу сменили повязку на ноге. Он облачился в мундир по всей форме и натянул на здоровую ногу высокий ботфорт. Рядом с ним в носилках лежала обнаженная шпага. Вдоль длинных марширующих колонн короля пронесли к месту сбора гвардейских батальонов. Там уже ждали, кутаясь в плащи и негромко переговариваясь, Реншильд, Левенгаупт, Пипер и другие генералы. Луна светила неярко, ночь была довольно темная.

К полуночи, когда темнота сгустилась еще больше, солдатам, которые отдыхали, сидя или лежа на земле, приказали становиться в строй. Во мраке не обошлось без путаницы: разобраться, где чей батальон, смогли не сразу. Да и немудрено — за два года кампании мундиры так износились, что порой и при свете дня трудно было узнать, какого полка солдат. Чтобы в бою отличать своих от неприятеля, шведам было велено прикрепить к головным уборам пучок соломы. Кроме того, войскам сообщили пароль — в случае возможной путаницы следовало кричать по-шведски: «С помощью Божией». Когда четыре колонны наконец удалось сформировать, солдатам снова разрешили сесть и отдыхать до прибытия кавалерии. Но ждать ее пришлось дольше, чем предполагали. Обычно кавалерийские эскадроны возглавлял Реншильд, но теперь он командовал всей армией, и без него конница в Пушаревке не сумела в отведенное время оседлать коней и построиться в шесть колонн.

319

Шведы томились в ожидании, когда со стороны русских позиций донеслись звуки, напоминавшие стук топора. Стучали неподалеку, видимо, работы велись впереди линии редутов. Очевидно, русские, полагая, что окрестности безлюдны, выслали отряд, который что-то сооружал. Но что? Чтобы выяснить это, Реншильд сам отправился на разведку.

То, что фельдмаршал увидел при неясном свете луны,, не могло не встревожить его. Под покровом ночи русские не покладая рук копали землю и строили новую линию из четырех редутов перпендикулярно шести, уже возведенным. Эгч редуты должны были протянуться вдоль Полтавской дороги к шведскому лагерю и расколоть надвое поток наступающих шведов, чтобы те, обтекая редуты с двух сторон, попали под фланговый огонь. Напряженно всматриваясь, Реншильд сумел разглядеть, что ближайшие к нему два редута уже почти закончены. Но тут работавшие на строительстве солдаты заметили группу всадников. Раздался крик, пистолетный выстрел, еще один, а затем в глубине русских позиций барабан забил тревогу. Реншилъд поспешил вернуться, и у носилок короля собрался военный совет. Между тем быстро светало, кавалерия наконец подошла, но шансов на внезапную атаку с каждой минутой становилось все меньше. Время поджимало, и Реншилъд отдал приказ о наступлении — в противном случае пришлось бы отказаться и от атаки, и от всего плана.

Карл не мог лично проверить обстановку, но он всегда был сторонником наступательных действий и поддержал Реншильда. Посыпались приказы, пехотные батальоны стали спешно перестраиваться в пять колонн. Командирам четырех из них было предписано как можно быстрее, не обращая внимания на огонь, провести войска мимо редутов, а затем, согласно первоначальному плану, развернуться на равнине в боевые порядки. Пятая колонна, из четырех батальонов, должна была окружить и атаковать новые редуты. Подобно тому, как

скалистый утес рассекает надвое бурный поток, цепь русских укреплений должна будет разделить наступающих шведов на две волны, но те стремительно прокатятся мимо, а третья, центральная волна, хлынет на эту преграду и, может статься, захлестнет ее.

Пока шведские генералы торопливо отдавали новые распоряжения, ночную тьму сменили предрассветные сумерки. Шведская пехота еще не закончила перестраиваться, когда с русских редутов начали стрелять пушки. Ядра посыпались в гущу неподвижно стоявших шведских солдат. Снесло голову капитану, погибло два гренадера и четыре мушкетера. Необходимо было срочно начинать двигаться. В четыре часа утра, когда на востоке над кронами деревьев появилось солнце, шведы наконец перестроились, и Реншильд отдал приказ к наступлению. Началась Полтавская битва.

Семь тысяч шведских солдат, сбившись в прямоугольные колонны синих мундиров, со штыками наперевес, двинулись через поле к русским редутам. Позади и чуть левее пехоты наступала шведская кавалерия: кто в желтых кафтанах с синей отделкой, кто в синих с желтой. Кавалеристы придерживали коней, чтобы не обогнать пехоту; первые лучи солнца уже играли на обнаженных клинках передовых эскадронов. Большая часть пехоты, огибая редуты, устремилась мимо них, но когда передового редута достигла центральная колонна, на незавершенные укрепления обрушились шведские гренадеры и сошлись с его защитниками в яростной рукопашной схватке. Редут продержался недолго. Та же судьба постигла и второй — шведская пехота, стреляя и коля штыками, прорвалась за его насыпь. Некоторые роты из числа участвовавших в захвате редутов влились в проходившие мимо колонны, другие же задержались для штурма третьего редута, на который уже наседали два батальона Росса.

Но на третьем и четвертом редутах шведы споткнулись. Третий редут упорно защищался, и первый приступ шведов был отбит. К атакующим стали подходить подкрепления, и в конце концов перед этой преградой застопорились шесть шведских батальонов. Иными словами, шведская пехота зацепилась за вражеский редут, как за надоедливый репейник, и тщетно пыталась освободиться. А это означало, что действия шведов все более шли вразрез с первоначальным планом.

Виновником этого сбоя был Реншильд, который предпочел сохранить общий план наступления в тайне от своих подчиненных. Росс попросту не знал, что, согласно замыслу, его силы должны были только блокировать русские редуты, чтобы дать возможность основной массе пехоты побыстрее проскочить мимо. После того, как его атаку отбили, Россу стоило бы оставить редут в покое и идти дальше к сборному пункту. Вместо этого он перестроил своих солдат и снова повел их на приступ. Его снова отбили, но он упорствовал, и в результате 2600 пехотинцев, из которых каждый был на счету, застряли у преграды, не имевшей стратегического значения. Все свои помыслы Росс сосредоточил на захвате редутов; он понятия не имел о том, что делает остальная армия, и даже не знал, где она находится. Так, в самом начале наступления шведы допустили серьезный промах. Впоследствии, оценивая случившееся, Левенгаупт говорил, что лучше было бы всей армии, не исключая и Росса, просто пройти мимо редутов. Реншильд, уже будучи в плену у русских, сказал: «Одна ошибка может затмить всю прежнюю славу». Даже Карл, который не был склонен обвинять своих полководцев после боя, заметил печально: «Рекогносцировка была проведена не лучшим образом»[2].

В разгар схватки вокруг редутов, из-за линии укреплений на шведов устремились двумя сплоченными шеренгами драгуны Меншикова. Из рядов шведской пехоты послышались крики: «Кавалерия, кавалерия!»

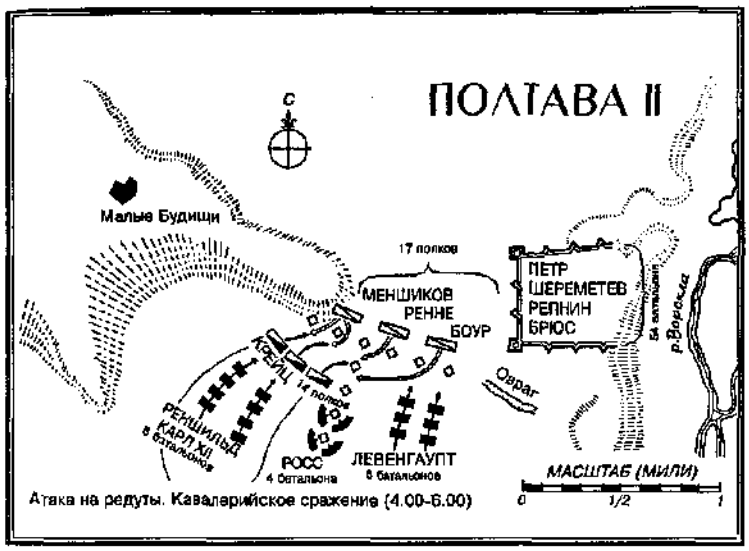
Построившись сомкнутым клином, шведские кавалеристы рысью поскакали навстречу наступавшим русским драгунам. 20000 обнаженных клинков блеснуло на солнце, и две лавины всадников столкнулись на тесном пространстве возле русских редутов. В облаках пыли слышен был лишь грохот орудий, звон стали и треск пистолетных выстрелов. Схватка продолжалась почти час — ни шведы, ни русские не уступали. Мен-шикову удалось захватить четырнадцать шведских знамен. Окрыленный успехом, он отослал трофеи в лагерь и просил государя без промедления вывести армию из-за валов и вступить в бой на линии редутов. Но Петр не очень верил в прочность достигнутого Мен-шиковым успеха и пока еще очень высоко ставил воинскую славу шведов. Поэтому он дважды приказывал своему упрямому наперснику выйти из боя и отступить, и в конце концов князь неохотно повиновался. Русские эскадроны были отведены на север. Крупные силы под началом Боура (Ренне к тому времени был тяжело ранен) Меншиков отправил к северной оконечности лагеря, а сам с меньшим отрядом отступил к южной. Отступление русской конницы прикрывали установленные на валах орудия, заградительный огонь которых отбил у шведской кавалерии всякую охоту к преследованию.

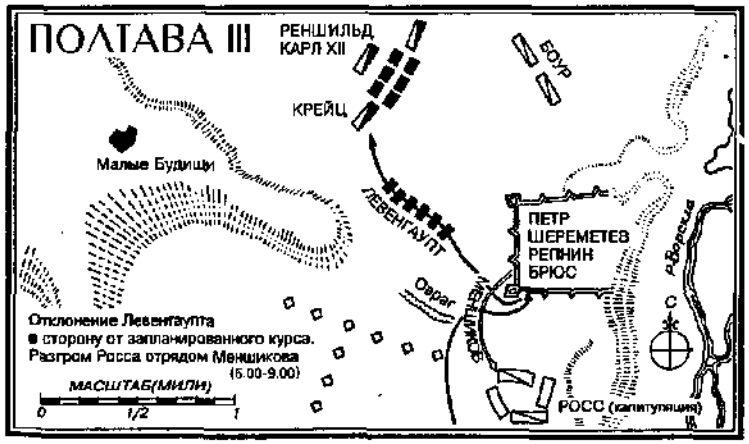
Из-за того, что Реншилъд не ознакомил командиров с общим планом сражения, постоянно происходила путаница. На правом крыле шведской армии наступало шесть пехотных батальонов, которые вел сам Левенгаупт. Они должны были миновать линию редутов и, выйдя на равнину, соединиться с главными силами. Но пехота терялась в поднятых всадниками облаках пыли, а русские вели с редутов жестокий пушечный и ружейный огонь. Чтобы вывести своих людей из-под обстрела, Левенгаупт стал сдвигать колонны правее. Отклоняясь все дальше к востоку, батальоны Левенгаупта в конце концов оторвались от остальных шведских сил, и в ли-

нии наступления открылась широкая брешь. Общего замысла Реншильда Левенгаупт не знал и об исполнении его, естественно, не заботился. Он просто вел свою пехоту в атаку на неприятельскую армию. При этом он то ли забыл, то ли не хотел вспомнить основные указания фельдмаршала - всем пехотным колоннам идти параллельно друг другу. Выйдя за линию редутов, он еще круче повернул вправо, где характер местности позволял двигаться быстрее. В результате, с каждым шагом солдаты Левенгаупта все больше удалялись от остальных шведских войск. А Левенгаупта это ничуть не огорчало: он всегда старался держаться подальше от Реншильда, который с ним, Левенгауптом, позволял себе обращаться «как с лакеем».

Все это привело к тому, что Левенгаупт шел прямо на русские укрепления. Лагерь к тому времени уже был поднят по тревоге, и при появлении шведской пехоты русские пушки открыли огонь. Но Левенгаупт, довольный тем, что избавился от опеки, неуклонно вел свои шесть батальонов навстречу всей русской армии. Солдаты маршировали как на учении и уже подошли на мушкетный выстрел к валам, когда путь им преградил овраг. Но ничто не могло остановить Левенгаупта в его стремлении бросить 2400 шведов на штурм укреплений, в которых засело 30000 русских, и неустрашимый генерал повел солдат в обход преграды.

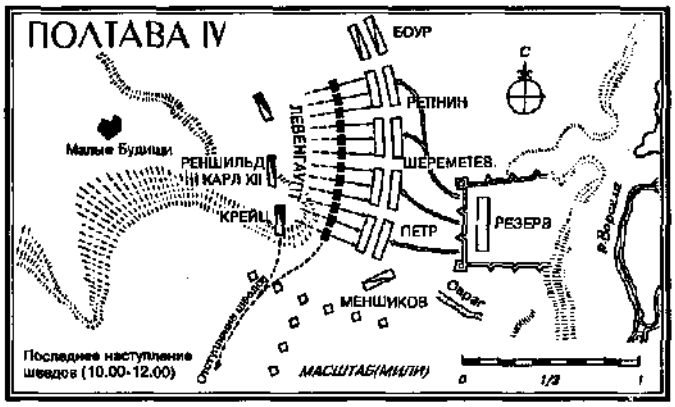
Между тем, на другом краю поля, по левую сторону от линии редутов, где должны были собраться все шведские силы, находилась всего одна из трех войсковых групп - та, которая неукоснительно следовала первоначальному плану, поскольку командовал ею сам Рен-шильд. Две составлявшие ее пехотные колонны поспешно миновали редуты, как только русская конница отступила с поля. Хотя они и понесли потери от флангового огня, но сумели довольно быстро выйти на равнину за редутами. По плану, именно здесь должны были собраться восемнадцать пехотных батальонов, чтобы уже





отсюда развивать наступление. Поначалу офицерам Рен-шильда казалось, что все идет как задумано. Когда шесть батальонов левого крыла своевременно заняли отведенные им позиции, офицеры наперебой поздравляли короля с удачей. Самого Карла пронесли на носилках в гуще пехоты, и сейчас он потягивал воду, пока ему накладывали на ногу свежую повязку.

Но, увы, когда Реншильд огляделся в поисках остальной пехоты, он никого не увидел. Двенадцать батальонов Левенгаупта и Росса как сквозь землю провалились. Правда, Левенгаупт с его шестью батальонами сыскался довольно скоро. Далеко впереди с правого фланга слышалась стрельба: это солдаты Левенгаупта пытались обогнуть овраг с юго-запада от русского лагеря. Реншильд тут же послал к Левенгаупту гонца с приказом немедленно прекратить наступление на лагерь и отойти к западному краю равнины, где его дожидались основные силы. Получив этот приказ, Левенгаупт взъярился. С одной только пехотой, без единой пушки, он одолел два русских редута и уже занял позиции, чтобы клинком и багинетом штурмовать южную линию русских укреплений. Здесь вал был защищен не слишком сильно: еще чуть-чуть и он, Левенгаупт, примерный ученик шведской военной науки, бросил бы своих 2400 воинов на слабый участок вражеской обороны, прорвал его и сокрушил бы противника, посеяв панику в его рядах. Трудно сказать, могли ли его малочисленные войска, прорвавшись за вал, повергнуть неприятельский лагерь в смятение. В лагере его поджидали не бестолковые новобранцы, как это было под Нарвой, а прошедшие суровую школу бывалые воины. Скорее всего, если бы шведы все же прорвались за линию укреплений и столкнулись с готовым к бою десятикратно превосходящим противником, они поначалу могли бы добиться определенного успеха, но, не получив поддержки, были бы неминуемо смяты неприятелем. Так или иначе, но к



немалой досаде Левенгаупта, ему было приказано отступить — и он отступил.

Было шесть часов утра. Шведской армии требовалось время для маневра, и в битве наступило затишье. Основные силы, с которыми находились король и Рен-шильд, включавшие третью часть всей шведской пехоты, двинулись вдоль фронта русских укреплений к северо-западу. Там находились заранее намеченные позиции, заняв которые, шведы могли нанести удар как по лагерю, так и по броду в Петровке. Шесть батальонов Левенгаупта отступили от южного вала русского лагеря и направились на соединение с Реншильдом. Когда они прибудут и займут отведенное им место, под рукой Рен-шильда соберутся двенадцать батальонов из восемнадцати. Но где же остальные шесть?

А эти шесть батальонов под командованием Росса находились с южной стороны поперечной линии шести русских редутов и усердно штурмовали все те же третий и четвертый редуты. Действовали они столь же доблестно, сколь и бесполезно. Весь смысл атаки на редуты состоял в том, чтобы прикрыть движение наступавших колонн. Теперь, когда пехота вышла равнину, генерал-майору Россу следовало бы оставить редуты и поспешить вдогонку основным силам. Но никто не сказал Россу, чего от него ждали на самом деле, и он, как и подобало шведскому офицеру, мужественно пытался захватить укрепления противника.

Впрочем, схватка у редутов вскоре закончилась, Три раза Росс шел на штурм и три раза был отбит. Наконец, потеряв сорок процентов своих людей, он все же решил отступить. Теперь Росс был бы не против соединиться с главной армией, но понятия не имел, где она находится. Кроме того, ему нужно было время, чтобы привести в порядок свои потрепанные силы, и он стал отходить в лес, к востоку от редутов. Раненые пытались ползком следовать за товарищами.

В это время на западном валу лагеря, обозревая лоле сражения, стоял Петр. Он видел, как прошедшая линию редутов шведская армия теперь группировалась справа на северо-западе. И тут, наблюдая за отходом Левенгаупта, царь заметил, что путь из лагеря к редутам, сопротивлявшимся Россу, теперь свободен. Петр тотчас приказал Меншикову взять в дополнение к его драгунским полкам пять батальонов пехоты из лагеря — всего 6000 человек, — настичь Росса в лесу, атаковать и уничтожить. Заодно отряд мог помочь и гарнизону Полтавы, дорога к которой теперь была открыта. Солдаты Росса вначале приняли передовые эскадроны Мен-шикова за своих, а когда поняли, в чем дело, противник уже был перед ними. Не успевшие перестроиться шведские батальоны были смяты и рассеяны огнем русской пехоты и кавалерии. В ожесточенной рукопашной схватке большинство шведов было убито или попало в плен. Россу удалось прорваться: собрав четыре сотни солдат он стал отступать на юг; но Меншиков преследовал его по пятам. Неподалеку от Полтавы шведы заняли покинутую траншею и попытались обороняться, но русские снова схватились с ними в ближнем бою. В конце концов, окруженный и потерявший большинство людей Росс был вынужден сдаться превосходящим силам неприятеля. И как раз тогда, когда плененного Росса уводили с поля, с северо-запада донеслась чешу-точная канонада. Загремели первые залпы решающего этапа сражения, но ни Россу, ни его солдатам, не суждено было в нем участвовать. Еще до начала сражения как такового было бессмысленно загублено шесть

батальонов — третья часть шведской пехоты. Можно винить в этом Росса — за его излишнее упорство у редутов или Реншильда за то, что он не ознакомил своих офицеров с планом сражения. Но все это не главное. Несчастье заключалось в том, что шведская армия лишилась своего мозга — тот, кто мыслил ясно,

329

четко и без суеты, чьим командам повиновались беспрекословно, был выведен из строя и в Полтавской баталии не участвовал.

Реншильд с королем и всем штабом дожидались Росса. Того все не было, и фельдмаршал послал выяснить, в чем дело. Когда гонец вернулся, он доложил, что Росс продолжает штурмовать редуты и ему приходится туго. Реншилъд тут же послал на помощь Россу два кавалерийских полка и два пехотных батальона. Тем временем основным силам шведов оставалось только ждать.

Шведская армия стояла на открытой равнине — примерно в миле от северо-западной оконечности русского лагеря, в пределах досягаемости орудийного выстрела. Естественно, что русская артиллерия повела по шведам массированный огонь. Ядра убивали и калечили солдат. Одним ядром были убиты двое стоявших подле короля гвардейцев. Другое ядро повредило носилки короля. Мало было шведским офицерам забот и тревог — теперь им приходилось беспокоиться еще и о безопасности короля. Чтобы укрыть людей от огня русских орудий, часть пехоты отвели южнее, к лесу у местечка Малые Будищи. Вот когда Левенгаупт, как и многие, горько пожалел о том, что большая часть артиллерии осталась позади. На залпы семидесяти русских орудий шведы могли отвечать выстрелами всего-навсегю четырех полевых пушек.

Примерно через час явился Спарре, который был послан с двумя пехотными батальонами на помощь Россу. Он доложил, что Росса окружили многочисленные русские войска и пробиться к нему невозможно. В подобном случае ему было приказано возвращаться назад, и он поступил согласно приказу.

Теперь положение Реншильда беспрерывно ухудшалось. Вначале, как и было задумано, он прорвался за

330

линию редутов. В яростной кавалерийской схватке его эскадроны одолели противника и сумели вытеснить его с поля боя. Но теперь фактор внезапности был утрачен, наступательная инерция погашена затянувшимся ожиданием. Инициатива постепенно ускользала из рук шведов. Целых два часа Реншильду пришлось держать армию под жестоким неприятельским огнем, дожидаясь подхода заплутавшей пехоты. Правда, Левенгаупт наконец явился, но на Росса, похоже, рассчитывать больше не приходилось. Пытаясь восполнить эту потерю, Реншильд отправил в осадный лагерь под Полтавой приказ: резервным батальонам, охранявшим обоз, срочно выступить на подмогу армии и доставить на поле боя всю артиллерию.

Но гонцам Реншильда прорваться в шведский лагерь не удалось. Истекавшая кровью шведская пехота осталась без подкрепления, и огонь по русским по-прежнему вели только четыре пушки. К 9 утра Реншильд понял, что тянуть больше нельзя. Вот уже два часа он ждал подмоги, но теперь стало ясно, что ее не будет. Промедление было смерти подобно. Перед фельдмаршалом открывались три возможности. Можно было выступить на север, попытаться прорваться сквозь русский кавалерийский заслон, занять брод у Петровки и удерживать его в расчете уморить голодом царский лагерь. Но такой план таил в себе немалую опасность: и без того сильно уст/павшие русским в числе шведы оказались бы разделены между Петровкой и Полтавой. Пожелай Петр напасть на любую из этих группировок, другая не только не смогла бы прийти своим на выручку, но, возможно, даже не узнала бы, что им грозит беда. Был и другой выход: согласно первоначальному замыслу, идти в атаку на русскую армию, которая все еще отсиживалась за земляными валами лагеря. Но это значило, что поредевшей шведской пехоте придется наступать по открытой равнине, под обстрелом множества неприятельских пушек, которые уже нанесли шведам невосполнимый урон. Аза

331

рвом, на валах, его солдат будут поджидать 30000 русских.

Был и третий вариант, и именно его предпочел Реншильд. Он решил отступить. Силы его были слишком малы, а препоны велики непомерно. Но если откатиться назад, к линии

редутов, то, минуя их, можно и Росса поддержать, и пополнить силы за счет его солдат. Затем, вернувшись на исходные позиции минувшей ночи, он сможет собрать и тех, кто сидел в траншеях вокруг Полтавы, и тех, кто патрулировал вдоль берега, и тех, кто охранял обоз. Тогда вместо двенадцати пехотных батальонов, которыми сейчас располагал Реншильд, у него будет двадцать четыре. С таким войском уже можно думать о новом сражении.

Но едва солдаты Реншильда начали перестраиваться из боевых порядков в маршевые колонны, произошло то, чего шведы никак не ждали. Наблюдавшие за русским лагерем офицеры вдруг заметили, что вся царская армия пришла в движение. Были открыты проходы, опущены мосты через рвы, и по этим мостам из лагеря хлынула многочисленная русская пехота и тут же начала строиться в боевые порядки. В первый раз за всю эту войну русская армия готовилась дать сражение армии шведов, причем оба монарха, Петр и Карл, находились на поле боя.

Все перемещения русских войск производились быстро и слаженно. По всему было видно, что теперь армия Петра имеет внятное понятие о дисциплине и строе. Многие тысячи людей и коней выстроились длинным плотным полумесяцем, обращенным фронтом к западу, навстречу шведам. На правом фланге стояла кавалерия Боура — восемнадцать полков драгун в красных и зеленых мундирах. На противоположном конце полумесяца, как всегда выделявшийся белым мундиром, занял позиции Меншиков. У него было на шесть полков драгун больше. Центр составили пехотные батальоны в зеленых мундирах под началом Шереметева и Репнина. Коман-

дующий артиллерией генерал Брюс приказал оставить часть орудий на валах, чтобы стрелять по шведам через голову русских войск. Остальные пушки артиллеристы в красных мундирах выкатили на передовую позицию, чтобы встретить шведов смертоносным огнем прямой наводкой.

Петр был в седле на левом фланге, с Новгородским пехотным полком. Царь сидел на любимом коне, мышастом арабском скакуне, подаренном ему султаном. В этот день под ним было седло, обитое поверх кожи зеленым бархатом с серебряным узором. Уздечка черной кожи была отделана золотом. Одеждой царь не отличался от своих офицеров: черная треуголка, высокие черные сапоги и Преображенский мундир бутылочно-зеленого цвета с красными отворотами. Только голубая андреевская лента выделяла государя. Вокруг Петра стояли прошедшие огонь и воду три батальона Новгородского полка в серых кафтанах и черных шляпах. Здесь скрывалась небольшая задуманная Петром военная хитрость. Как правило, в серые кафтаны обряжали необстрелянных новобранцев, а в этот раз Петр одел таким образом отборные батальоны и рассчитывал, что шведы клюнут на эту приманку и ударят по новгородцам в надежде на легкий успех.

Выйдя из лагеря и построившись, русская армия поставила перед Реншильдом новую задачу. Шведская пехота из боевых порядков уже перестраивалась в маршевые колонны, чтобы отступить на юг, в поисках Росса. Но стоило бы шведам двинуться в походном строю, русские немедленно атаковали бы их на марше, и это было бы уже не сражение, а резня. Поэтому Реншильд решил отказаться от отступления, развернуться и принять бой. Шведские солдаты стали снова перестраиваться в шеренги.

Обсудив обстановку с Левенгауптом, Реншильд доложил королю, что русская пехота вышла на поле. «Не лучше ли начать с атаки по неприятельской кавале-

рии?» — спросил Карл. «Нет, — покачал головой фельдмаршал, — мы должны ударить в центр, по пехоте». Король совсем обессилел и не мог оценить боевую ситуацию. Он с трудом открыл глаза и промолвил: «Что ж, поступайте как знаете» .

К 10 часам утра шведская армия изготовилась к бою. В отличие от конницы Петра, стоявшей по флангам, шведская кавалерия разместилась позади пехотного строя. Пехота Левенгаупта состояла всего из двенадцати батальонов и едва насчитывала 5000 человек. Против них двумя плотными шеренгами построились русские пехотинцы, причем каждая из них была намного длиннее единственной линии шведов, В первой линии русской пехоты стояло двадцать четыре батальона — 14000 человек, а во второй — восемнадцать батальонов, или 10000 человек (девять пехотных батальонов осталось в лагере в качестве резерва). Казалось, что при таком

соотношении живой силы и огневой мощи сама мысль о сражении абсурдна: 5000 изголодавшихся, усталых пехотинцев без артиллерии готовились ударить по 24-тысячному войску, поддержанному семьюдесятью орудиями. Все свои надежды шведы возлагали на испытанную тактику. Собрав силы в кулак, мощным ударом на каком-то одном участке прорвать русские цепи и, воспользовавшись замешательством неприятеля, развить наступление и смять пусть даже превосходящего числом противника.

Этот день положил конец старым раздорам между первейшими шведскими полководцами — Реншильдом и Левенгауптом. Реншильд подъехал к Левенгаупту, которому предстояло возглавить почти безнадежную атаку, взял его за руку и сказал: «Граф Левенгаупт, вам надлежит пойти в атаку на неприятеля. Послужите с честью его величеству!» Левенгаупт спросил, не угодно ли Реншильду отдать приказ о немедленном выступлении. «Атакуйте без промедления», — ответил командующий. «В таком случае, вперед! — скомандовал Левен-

334

гаупт. — Во имя Господа, да пребудет с нами милость Его» . Под рокот барабанов прославленная шведская пехота пошла в свою последнюю битву. Силы шведов были ничтожно малы, и чтобы линия атаки была как можно длиннее, пришлось растянуть по фронту двенадцать батальонов так, что между ними образовались разрывы.

Презирая очевидное неравенство сил, шведская пехота в синих мундирах быстро пересекала равнину. Когда шведские цепи подошли достаточно близко, русские бомбардиры удвоили интенсивность огня. Свистящие ядра прокладывали в рядах наступавших кровавые борозды. Но шведы неколебимо шли вперед под сине-желтыми знаменами. Они приблизились на ружейный выстрел, и залп русской пехоты ударил по их истерзанному строю. Но шведы продолжали наступать, не отвечая на выстрелы. Наконец, шедшие впереди на правом фланге гвардейские батальоны достигли строя русской пехоты и яростно обрушились на первую линию. Орудуя клинком и багинетом, шведы прорвали строй неприятеля, погнали русских перед собой и захватили первую пушку из числа тех, которые только что поливали их огнем. Потребовалось всего несколько минут, чтобы повернуть орудия и открыть огонь по русской пехоте, смешавшейся, потерявшей равнение — и уже отступающей.

Вражеский строй был прорван, первая цель достигнута, и теперь Левенгаупт ожидал, что в прорыв, развивая его успех, устремится шведская кавалерия. Но, увы, кавалерии не было. Зато сквозь клубы окутавшего поле сражения порохового дыма Левенгаупт увидел, что его левый фланг попал в беду. Русские еще раньше сосредоточили на этом участке артиллерию: ее задачей было прикрывать конницу на северном фланге. И вот теперь жерла этих орудий были наведены на наступавшую шведскую пехоту. Их жестоким, смертоносным огнем шведские шеренги разметало в клочья. Половина

335

солдат полегла, прежде чем шведы успели вплотную сойтись с русской пехотой. И теперь, когда левое крыло шведов дрогнуло, а правое продолжало рваться вперед, готовясь обрушиться на вторую линию русской пехоты, между ними образовался разрыв. Он становился тем шире, чем успешнее наступали шведы на правом фланге.

Петр с Новгородским полком стоял неподалеку от этого участка и видел все, что происходило. От него не укрылось, что фронт шведского наступления раскололся надвое: левое крыло шведов, жестоко пострадавшее от огня русской артиллерии, было в отчаянном положении и едва ли представляло угрозу для правого фланга русской армии. Зато правое крыло развивало наступление вглубь русских позиций и почти достигло второй линии пехоты. Разрыв между ними рос на глазах. И вот в этот разрыв Петр бросил своих солдат.

Случилось то, чего опасался Левенгаупт и на что надеялся царь. Разорванным оказался не русский, а шведский фронт, и не шведская, а русская пехота, устремляясь в разрыв, расширяла его, готовясь смять противника мощной контратакой. А поскольку шведской кавалерии на поле не было, русские стали окружать углубившееся в их позиции правое крыло шведов. Огромная инерция шведского удара даже помогла Петру в осуществлении его замысла. Шведы неудержимо стремились вперед, все глубже внедряясь в русские позиции, а батальоны русских, тем временем, вливаясь в открывшийся в шведском фронте разрыв, обхватывали наступавших сбоку и с тыла. Шведы так яростно рвались вперед, что в результате оказались крохотным островком, затерявшимся в море неприятельских солдат. И в конце концов,

огромная масса русской армии попросту задавила наступательную энергию шведов.
Только сейчас на поле объявилась шведская кавалерия, но вместо вышколенных эскадронов Реншильда на врага скакали всего пятьдесят конных гвардейцев из
336
полка личной королевской охраны. Обнажив клинки, они на всем скаку врезались в центр неприятельского строя, но вскоре всех их перестреляли, закололи штыками или стащили с седел. Шведская пехота, окруженная подавляющими силами противника, стала отступать. Сначала шведы пытались удержать ряды, но затем дрогнули, сломались и пустились в беспорядочное бегство. Большинство офицеров было убито или ранено, и только Левенгаупт метался вдоль распадавшегося на глазах строя, пытаясь остановить бегущих. Позднее он вспоминал: «Тщетно я просил, угрожал, проклинал и раздавал тумаки. Они как будто не видели и не слышали меня!»
Все это время в гуще русских войск маячила долговязая фигура Петра. Высокий рост делал его заметной мишенью, но царь, презирая опасность, всю свою энергию посвятил руководству боем. За время сражения он трижды был на волосок от гибели, и просто удивительно, что не был ранен. Одна пуля сшибла с него шляпу, другая пробила седло, а треть попала з крест на груди.
Через несколько минут только что наступавшие шведы были смяты, хотя некоторые подразделения еще продолжали сражаться, С обычным для них упорством дрались шведские гвардейцы. Гвардия умирала, не отступая ни на шаг, и волны русской пехоты прокатывались над телами павших. Русские войска брали в кольцэ целые роты, и многие из них полегли до последнего солдата под ударами пик, сабель и багинетов.
Но где же была шведская кавалерия?! Сейчас, когда Реншилъд пытался направлять действия всей армии, коннице, видимо, снова не хватало опытной руки своего старого командира. Сначала кавалерия задержалась с построением на правом фланге, и когда пехота Левенга-упта пошла в атаку, кавалерия не была готова оказать ей поддержку. Когда эскадроны смогли наконец выступить, их продвижение было затруднено сложным рельефом местности. Кроме того, внимание шведской кавалерии
337
было отвлечено и на левый фланг, ведь на севере равнины расположилась многочисленная русская конница, и надо было прикрывать от нее поле боя. И когда несколько конных полков появилось наконец на поле, чтобы поддержать пехоту, выяснилось, что помощь, чего доброго, может понадобиться им самим, ибо фронт наступавших шведских полков был буквально растерзан чудовищной силой орудийного и мушкетного огня противника.

Схватка продолжалась еще около получаса — на погибель Карлу и к вящей славе Петра. Шведская пехота, которая пересекла равнину и атаковала русскую армию, была по большей части попросту уничтожена. «Все пропало!» — в отчаянии крикнул Пиперу Рен-шильд, бросился в самую гущу боя и тотчас был взят в плен .
Опасность угрожала и самому Карлу. Среди всеобщего смятения король пытался привести в чувство своих охваченных паникой воинов. «Шведы, шведы!» — кричал он, но его отчаянный призыв терялся в суматохе. Огонь неприятеля был так жесток, что «косил людей, коней, м даже сшибал сучья с деревьев». Из двадцати четырех королевских носильщиков двадцать один пал, и сами носилки были пробиты пулями. Их некому было нести, и казалось, что еще миг, и король попадет в руки неприятеля. Однако один офицер спешился, и Карла подняли в седло. Повязка развязалась, из открытой раны сочилась кровь. Коня под ним подстрелили, но ему раздобыли другого. Припав к шее лошади, с кровоточащей раной, король во всю прыть поскакал с поля боя. По дороге ему попался Левенгаупт. «Что теперь делать?» — спросил его Карл. «Ничего, кроме как попытаться собрать оставшихся людей», — отвечал генерал[7]. Ему это отчасти удалось, и остатки пехоты под прикрытием относительно мало пострадавшей в бою кавалерии, отступили на юг, за линию редутов. Лагерь в Пушкаревке сулил им хотя бы временную безопасность. Разбитая армия отступала, а резервные
338
шведские полки с артиллерией, вместе с казаками Мазепы и Гордиенко, заняли оборонительные позиции вокруг шведского лагеря на случай преследования. К полудню до

лагеря добралась большая часть уцелевших шведов; измученные люди смогли наконец перевести дух. Левенгаупт, изнывавший от голода и жажды, проглотил кусок хлеба и запил его кружкой пива.

На севере еще некоторое время раздавались отдельные выстрелы. Потом все стихло. Воодушевленный победой Петр повелел отслужить благодарственный молебен на поле боя, а затем отправился на пир. Полтавская баталия завершилась.